

ВОСПОМИНАНИЯ ДОЛГОЖИТЕЛЯ О СОБЫТИЯХ, НЕПОВТОРИМЫХ В НАШЕ ВРЕМЯ

1 БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Мои приключения начались с раннего детства. Родители:- мать Липец Мария Ефимовна химик и отец Зальцман Лев Михайлович агроном, приехали по окончанию гражданской войны в Москву устраиваться на работу. Им сразу очень повезло с квартирой. Хозяева особняка (ул. Спиридоновка, 14) собирались уезжать за границу и искали жильцов, которые сохранили бы им обстановку, размещенную в 2х комнатах, в течение года. Не могу описать мою кроватку, так как был грудничком, но старшие приходили от нее в восторг. Ровно через год хозяева вернулись, и грузчики стали выносить подряд все содержимое комнат. Меня уложили на пол на подстилку и газеты, и в такой позе я пролежал год, так как время было голодное (свершился классовый переход из буржуа в пролетарии). Однако развитие шло нормально, например, при игре в прятки я не забивался в угол, а выходил на середину комнаты, закрывал глаза руками и просил найти меня.

Мать устроилась на работу в институт коллоидной химии академии наук. В 1936-ом году ее командировали на Красноуральский медеплавильный завод с заданием,- повысить выход металла из водного раствора измельченной руды. Через полгода работы ей удалось подобрать химический реагент, изменяющий поверхностное натяжение водного растворителя так, что существенно повышалась выпадение меди в осадок и, соответственно, производительность завода. Премию в 400 рублей маме вручал лично президент академии наук Комаров. И мы сразу поехали на рынок в Марьину рощу покупать мне,- восьмикласснику, первый пиджак. Академия наук того времени по своим размерам соответствовала современному крупному научному институту, сотрудники которого в большей или меньшей степени знакомы друг с другом. Ведущую роль играли дореволюционные специалисты: химик академик Зелинский, архитектор

Жолтовский, физик «папаша» Иоффе. Среди множества его учеников были лауреаты Нобелевской премии Капица и Семенов, а когда в ходе войны Сталин спросил его, кто из учеников может организовать научную разработку и развертывание атомной промышленности, был назван Курчатов. Мама работала под непосредственным руководством академика Кистяковского, а затем академика Ребиндера, Среди регулярных собеседников назывался академик Ландау. Когда родился внук, она пожалела, что не накопила денег и не построила дачу. Она считала, что ее богатство состояло в общении с умнейшими людьми того времени. Для полноты картины отмечу музыкальность мамы и, ее пристрастие к украинским народным песням, что передалось мне. Когда мне случилось на отдыхе петь украинские песни по очереди с Галей из Донецка, я ее перепел!

Отец по приезде в Москву устроился на работу в наркомат земледелия, в управление животноводческими совхозами. Начальником управления был бывший командующий войсками Московского округа Муралов. Он был троцкистом и вспоминал, что не раз предлагал Троцкому арестовать Сталина, но он на это не пошел. Как член партии Муралов получал партмаксимум 125 рублей. Отцу, как беспартийному, положили оклад 150 рублей, и он отказался от 25 рублей. Отец должен был лично проектировать и строить животноводческие совхозы, и он постоянно пропадал в командировках. В 1936-ом году Муралова арестовали, и был назначен новый нарком земледелия директор передового совхоза Юркин. Естественно, между ним и отцом, который держал в голове всю проблему, назревал конфликт. Отец решил не дожидаться полного разрыва отношений и перешел на работу в научно- исследовательский сельскохозяйственный институт, став его научным руководителем. В 1937-ом году были арестованы нарком земледелия, все его заместители и члены коллегии, в числе которых был бы отец. Очевидно, его личное дело не значилось в списке наркомзема и беда его миновала. К этому времени он с помощниками написал толщенный учебник экономики сельского хозяйства, принятый для преподавания у нас и

переведенный на 13 языков. Пятидесятые годы отец полностью занялся преподавательской деятельностью, став профессором в академии Тимирязева, а затем профессором кафедры экономики сельского хозяйства МГУ. За все это время он выпустил 96 кандидатов и докторов наук, в их числе президента академии сельскохозяйственных наук Никонова. Когда объявили довыборы в академию отца, выдвинули член-корреспонденты и благополучно провалили. Отец не мог это понять: многие члены академии были его учениками. Мы тогда ничего не знали о номенклатурных списках райкомов и горкомов, за что он поплатился парой инфарктов.

Дядя-Ефим Ефимович Липец был военнослужащим главного артиллерийского управления. Он жил в длинном пятиэтажном военном доме на большой Овчинниковской улице. В 1937-ом году к дому почти каждую ночь подъезжал воронок и увозил очередного смертника. (мы-семиклассники, по ночам бегали на Лубянскую площадь и подсчитывали, сколько воронок в течении часа въезжает в ворота ГПУ). Дядю судьба сохранила. К началу войны он стал Начальником артиллерийского управления, ведающего приемкой оружия. Оно входило в состав Главного артиллерийского управления, возглавляемого маршалом Яковлевым. Самым важным делом для дяди стала составление доклада маршала о приемке, доставке и распределении артиллерийского оружия по фронтам на совещаниях командующих. Каждый был не доволен и возникли. И каждый раз маршал Яковлев «ходил по тонкой проволоке», так как совещания проводил Сталин, а ошибок он, как известно, не прощал. Сталин выслушивал споры командующих, и поддерживал представленное Яковлевым распределение оружия по фронтам. Более того, был признан существенный вклад артиллерии в достижении победы под Сталинградом: 19-ое ноября был объявлен днем артиллерии. Воспользовавшись этим, Яковлев стал «пробивать» генеральское звание для «не проходной» фигуры моего дяди. Полагаю, что им двигало не только чувство благодарности, но и практические соображения. Одно дело, когда приезжает полковник и с ним

«через губу» разговаривает генерал- начальник завода. Другое дело, когда приезжает генерал,- начальник управления, и может «через губу» разговаривать с директором завода. Десятого января пришел о присвоении генеральского звания. В то время военнослужащие находились на казарменном положении с правом ночевать и безвыходно находиться в своей квартире. Но именно в этот день жена уговорила дядю пойти в театр Красной армии. По возвращению, в половине двенадцатого раздался телефонный звонок. Звонить мог только Яковлев, и дядя начал сразу с объяснений и извинений. В ответ он услышал «генералу прощается». Он подошел к кровати и произнес: подвинься генеральша! После войны дядя вышел в отставку, но пенсионером пробыл недолго. Случился инфаркт, после которого он умер.

Муж двоюродной сестры Даниил Ильич Шиндель прошел сходный военный путь. Он служил замом начальника штаба Черноморского флота, которым командовал адмирал Касатонов. После войны Касатонova назначили командующим Северным флотом и поставили задачу- создания атомного подводного флота. Касатонов поставил условие: назначить начальником штаба капитана первого ранга Шинделя, присвоив ему звание контр-адмирала. Верховное командование вынуждено было согласиться, смирившись с неправильным происхождением адмирала. Он должен был пройти весь путь от закладки ПЛ. до боевого дежурства при личном участии в испытаниях (Отметим, что на первых выпусках не все было благополучно с радиационной защитой). В рекордно короткий срок наши подводные лодки стояли у берегов Америки (за этой эпопеей следило высшее руководство страны). А Даниила Ильича «отпустили» заведовать кафедрой в военно-морской академии. Недолго продолжалась академическая жизнь, он умер от рака легких в возрасте пятидесяти лет.

Необычайная судьба постигла младшего брата дедушки Давида Александровича Петровского (партийная кличка). Юношей он уехал в Америку, и всего через год стал одним из редакторов New York Times. Там

он познакомился с Троцким. Когда началась гражданская война, он призвал Петровского, поручив ему организацию военной академии и командирских курсов с правом привлекать преподаванию бывших царских офицеров. Он носил 4 ромба. Настала мирная жизнь, Петровского перевели в коминтерн и направили в Англию руководить забастовкой шахтеров. Домой он вернулся с женой о имени Рооз, которая была невестой Гари Полита, председателя компартии Великобритании, но предпочла Петровского. Она была милостивой, небольшого роста и завела дома английские порядки. Мы были свидетелями диалога. 3-х летний Алеша подошел к буфету: Я хочу печенье. Сколько ты съел? 2. Сколько можешь взять? 1. Разрешаю. Самого Петровского по возвращению назначили начальником управления геологической разведки нарком тяжпрома. Он рассказывал. Решался вопрос, в каком районе Башкирии ставить буровые вышки. Сидевший по одну сторону академик Ферсман называл одно место бурения, сидевший по другую сторону академик Вернадский , - другое, и решать должен был он. Решение состоялось, и через несколько лет было освоено Башкирское месторождение нефти. Моя мама была лишь на несколько лет моложе дяди и была его любимицей, мне же доставались царские подарки для того времени: велосипед, фотоаппарат «лейка». В 1937-ом, как водится, Петровского арестовали. Великобритания потребовала выдачи Рооз. МИД России ответил: она советская подданная и была арестована. Мама решила в тайне от родных навестить ее. Рооз спросила: что такое бл... 6-ти летнего Алешу отправили в детдом.

Младшая сестра дедушки,- Фаня Ефимовна Нюрина (партийная кличка) вела в Петербурге кружки просвещения рабочих, знакомя их с революционным движением. Маму, жившую у нее, поразила ее жалоба на ухудшение памяти: раньше единожды прочитав, она запоминала и могла пересказать две страницы текста, а теперь только одну. В советское время ее назначили заместителем народного комиссара юстиции, и поручили разработку законодательства об абортах. Наркомом юстиции был прапорщик

Крыленко, - военный руководитель октябрьского переворота. По рассказам свидетелей, однажды ей позвонил Крыленко и спросил, как обстоит дело с абортами? У нас с вами,- хорошо! 1937-ой год ее не пощадил.

И, наконец, неповторимая сегодня судьба распространилась и на мамину двоюродную сестру Софью Яковлевну Канн. Она вела активную революционную деятельность в местном обществе «Бунд», и была под надзором полиции. В советское время она работала в Наркомпросе под руководством Н. К. Крупской. 1937-ой год ее не миновал, но ее не расстреляли, а сослали в лагерь в Сибирь под Тобольском. По свидетельству заключенных, она пользовалась непререкаемым авторитетом и от их имени вела «жесткие» переговоры с лагерным начальством. Удачными оказались ее поиски Алеши Петровского. Соня попала под Хрущевское освобождение, но ей дали -100. Это значило, что она имела право селиться не ближе 100 километров от Москвы. Приезжать разрешалось. В один из таких приездов на выходе из метро «Калужская» она почувствовала, что кто ее внимательно разглядывает. Этим кто-то был полковник при орденах, и Соня узнала в нем жандарма, под наблюдением которого она состояла в царские времена. Ну что, Сонечка, стоило делать вашу революцию?»

МОСКОВСКАЯ ДВОРОВАЯ ШПАНА

Сегодня далеко не все смогут объяснить значение этих слов. Тогда как практически каждый москвич, родившийся в Москве во время гражданской войны и десятилетием позже, становился дворовой шпаною. Жизнь была голодной и родители уходили на целый день на работу, а дети выходили во двор. Образовался особый мир со своей организацией, именуемый московская дворовая шпана. Удивительно, что после стольких лет войны полностью возрождается общинная организация России прежних времен. Все члены общины равны и безоговорочно подчиняются избираемому старшему, нашем случае должен был быть и самым сильным, чтобы его боялись. В годы войны все заборы были разобраны, и Москва превратилась в общий

проходной двор. Единицами юнных жителей становились объединения нескольких прежних дворов. Как житель Спиридонвки, я входил в состав Тверьской шпаны, и мы выходили стыкаться с Арбатской. На выходные меня «сдавали» бабушке и дедушке. Я становился жителем Щиповского переулочка и я автоматически входил в состав зацепской шпаны (при въезде в город подводы останавливались за цепями и прощупывались). Шпана городской окраины ничем, не отличалась от центра. В обоих случаях это было внутренне замкнутое общество, живущее в основном, бытовыми отношениями, без притока внешней информации. Кино (кроме Чарли Чаплина), радио, газеты для нас были недоступны. Дворовый язык был бытовым, включал блатные жаргонные выражения и песни, обильно «пересыпанные» матом. В 5 лет, подражая старшим, я кричал: «епа твою мать», совершенно не представляя значения этих слов, но интуитивно чувствуя, что их нельзя произносить дома. Популярными играми были: летом,- футбол, матерчатым мячом, зимой,- хоккей, по двору гоняли консервные банки клюшками собственного производства, играли в снежки. Излюбленной игрой была «расшибалка». Укладывалась «чира», и каждый игрок должен был бросать поблизости монету, что определяло очередь. Затем монеты ставились в столбик решкой в низ и бросали «биту». Перевернувшись решкой вверх монету игрок забирает и получает право на следующий удар. Девочек во двор не пускали, кроме нескольких «гулящих». Их не уважали и коверкали имена: Шукра, Лякра. Помнится, как Витька-заварной хвастал, что на этой скамейке, где он поздним вечером Лякру. Когда я учился во 2-ом классе установили общее радиовещание. Из домашних репродукторов полилась музыка, прерываясь литературными чтениями и театральными постановками. С дворовой шпаной было покончено.

ШКОЛЬНИКИ, ВСТРЕТИВШИЕ ВОЙНУ

В 8-10-ом классе 114-ой школы Краснопресненского района Москвы учились 14 мальчиков и 13 девочек. Как мы определили через 25 лет после окончания школы, мальчики были 8-ми национальностей. (Во время учебы мы лишь в общем виде понимали значение этого слова). Это были самый длинный и худой Робка Розит, молчаливый Казимир Гостек, Вадсек Моравский, съедавший на спор 10 пирожных, Степа Микоян (сын члена политбюро ВКПБ), самый низенький Фимочка Ходоровский, который мог пропеть вторую часть пятой симфонии Бетховена, Вова Семенов, Сережа Нижний и Лева Цванг закончившие параллельное обучение в аэроклубе и получившие удостоверение пилотов, Саша Бабешко, Вова Хохуля, Коля Щетинин, Женя Куренков. Жили бедно, носили парусиновые полуботинки, спортивные брюки и куртки. На выпускной вечер Фимочка Ходоровский пришел в верхней рубашке. Девочки не носили часы и украшения, не мазались, стрижка была простой. Главенствовало общинное сознание равенства и справедливости. Когда, поступая в 8-ой класс, прикатил на машине в твидовом пиджаке Степан Микоян, его дружно не заметили. На другой день он пришел в гимнастерке и весь класс наперебой стал с ним знакомиться как со своим парнем. Жили дружно, все, что каждый узнавал и считал интересным, обсуждалось в классе. В отношениях с девочками соблюдалась дистанция: гуляли, не держась за руки, и не позволяли себе фривольные выражения, не курили. Моим лучшим другом был Сережа Нижний. Его мама Майя Иосифовна обаятельная женщина, работала в театральной кассе, и снабжала нас контрамарками на все выбираемые нами спектакли. И это было чрезвычайной удачей. Удалось посмотреть спектакли МХАТ с первым поколением исполнителей: Качалов, Москвин, Тарханов, Книпер-Чехова, спектакли театра Вахтангова: Симонов, Мансурова, Астангов. Пересмотрены были все спектакли Большого театра. На одном из них в царской ложе сидел министр иностранных Германии фон Рибентроп. Его удалось рассмотреть с близкого расстояния: вытянутое арийское лицо,

светлые глаза, короткая стрижка. Он сидел неподвижно, скрестив руки. 1937-ой год принес нам удачу. Опасаясь встречи с КГБ, специалисты уходили преподавать в школы. Математику вел у нас инженер Кабалкин. Уроки он начинал так: что сегодня стоит в программе сделаете дома. Сейчас, даю вам задачу, кто решит первым получит 5. Наташа Сальникова может не беспокоиться. Образовалась постоянная группа «решателей»: Щетинин, Ходоровский, Цванг, Хохуля и я. Обычно, еще не дописав решение, тянешь руку. Кабалкин проверял решение. И если оно было правильным, надо было его объяснить и написать на доске, а ученики должны были переписать решение в свои тетради. Историю преподавал профессор университета. Разумеется, его уроки были самыми интересными, но он проводил еще и внеклассные занятия в музеях. В Третьяковской галерее предметом занятий служило каждый раз творчество избранного художника. Назначенный ученик докладывал его биографию и представлял произведения. После чего подробную разборку делал профессор. Далее занятия продолжались в музее изобразительных искусств. Копия Скульптуры Давида Микель-Анжело, макет купола Брунилески, круги ада -двери Гиберти запомнились на всю жизнь. Позже я приехал во Флоренцию как в давно знакомый город: вот при въезде Давид, внизу на равнине город и над крышами возносится купол Брунилески, а спустившись, можно найти двери Гиберти. Среди школьных учителей особо запомнился преподаватель химии классный руководитель Василий Назарович Ткаченко. Это был эмоциональный человек, он мог кричать на ученика, называя его дубиной стоеросовой, но все его любили. Главное, он был талантливый преподаватель. Таблицу Менделеева мы декламировали как стихи. На выпускном и приемном экзаменах после нескольких фраз я получал пятерку. Мне легко давались органическая, физ-коллоидная и биологическая химия, входившие в программу медицинского института.

Осенью 1939-го года вышло постановление Верховного совета, обязывающее всех мужчин, достигших 18-ти лет, идти на службу в армию,

или поступать в военные училища. Бабешко поступил и закончил до войны Артиллерийское училище, Микоян закончил Качинское летное училище, Ходоровский и я поступили в Военно-морскую медицинскую академию, остальные были призваны армию рядовыми. Война началась в 1941-ом году. Отметим, что война- это особое состояние животного страха, к которому привыкаешь. Военная судьба по- разному складывается у офицеров, которые могут действовать индивидуально, и рядовых, судьба которых полностью определяется военной судьбой подразделения. Лейтенант Бабешко командовал артиллерийским дивизионом на конной тяге, в западном военном округе. После нескольких дней войны он оказался в тылу наступающей армии и вынужден был догонять немецкие части, не обнаруживая себя. И лейтенант Бабешко успешно выдержал это испытание, не потеряв солдат и артиллерийские обозы. Он вынес знамя своего подразделения, тем самым, сохранив его как боевую единицу. За боевые заслуги его награждали, повышая в звании, и он закончил войну подполковником. Потом стал генералом и командовал войсками противовоздушной обороны Ленинградского военного округа. Лейтенант Микоян стал летчиком на истребителе И-16. Самолеты были быстроходными, но уступали в маневренности Мессершмитам. Однако, главным недостатком И-16 было фанерное покрытие, которое прошивало пулеметной очередью беззащитного пилота и легко воспламенялись. Довольно скоро они были заменены МИГами (конструкторы Микоян и Гуревич), имевшими металлическое покрытие и не уступавшими немцам в маневренности. В одном из очередных полетов над вражеской территорией самолет Микояна И-16 был прострелян пулеметной очередью и загорелся, а сам он был ранен. Невероятными усилиями Степан дотянул горящий самолет до нейтральной полосы, успешно справился с посадкой, а сам сумел вывалиться на землю, потеряв сознание. Нашли его вездесущие деревенские мальчишки и на саночках отвезли в ближайшую военную часть. Ранение оказалось не самым тяжелым, и он возобновил полеты. Ходоровский на 3-ем курсе академии, заснул на посту в

карауле. Начальство, дабы другим было неповадно, отдало его под трибунал, который постановил: начальника караула, курсанта Куденкова, и караульного курсанта Ходоровского списать и отправить на фронт. Начальник академии генерал Иванов пообещал, что при исправной службе вернет их обратно. Ходоровский был направлен в медицинскую часть на должность фельдшера и должны были представить его к офицерскому званию. От звания он отказался, чтобы не быть всю жизнь военным и попросился рядовым в разведку. Мы переписывались и, в очередной раз, он сообщил, что привел 8 языков и представлен к правительственной награде. (Трудно было представить, как этот худой низкорослый интеллигент мог побороть немецких солдат). С письмом я прорвался к генералу. Он сказал, что этого недостаточно, и нужно официальное подтверждение. Соответствующее письмо было послано. Пришел ответ: справки даются только по запросу. Второй поход к генералу, и он приказал отделу кадров оформить и выслать запрос. Пришел ответ: Ходоровский ранен и отправлен в тыл. Туда он так и не доехал. Военная бюрократия погубила этого талантливого отважного человека. Страшная военная судьба постигла моего друга Сережу Нижнего. Он воевал стрелком,- радистом на бомбардировщике. При посадке по прибытию из очередного рейса самолет подорвался на собственных бомбах. Благополучно закончилась война для Цванга. Не дождавшись призыва, он пошел добровольцем на войну. Через некоторое время получил под Москвой осколочное ранение в пяточную кость. Такие раненые, отправлялись в тыл. Операция осложнилась остеомиелитом. А так как, лечить эти осложнения советские медики не умели, Цванг был демобилизован. Американцы, напротив, не знали, что такое остеомиелит, поскольку рекой лили на раны пенициллин, которого у нас тогда не было, и раненые возвращались в строй. Благополучно закончили войну летчик Семенов, моряк Куренков. С войны не вернулись: Щетинин, Розит, Гостек, Моравский (подробности не известны). Счет военной судьбы мальчиков нашего класса 6:6, что считалось далеко не худшим.

ВОЕННЫЙ ПУТЬ КУРСАНТА ВОЕННО-МОРСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

В 1940-ом я поступил на 1-ый курс Военно-морской медицинской академии, которая находилась между Фонтанкой и Загородным проспектом рядом с Технологическим институтом. Как рядовой курсант, я был полностью подчинен командованию академии с нулевой степенью свободы личного поведения. Чтобы оценивать пройденный военный путь, разобьем его на однозначные эпизоды и будем оценивать каждый отношением жизнь:смерть, первый раз как 50х50, второй как 50х25 и т.д. В 1941-ом году мы закончили 1-ый курс и сразу после объявления войны юные патриоты дружно попросились на фронт. Получили ответ: сидеть на местах. Сидеть пришлось не долго: в июле немецкие танки прорвали Лужский укрепленный рубеж и устремились к Ленинграду. Армия стремительно отступала, чтобы не попасть в плен. Поэтому, была срочно сформирована и брошена в бой бригада морской пехоты, состоящая из 6-ти батальонов курсантов военно-морских училищ: командного им. Фрунзе. инженерного им. Дзержинского, Кронштадского, инженерно-строительного, курсов подплава и из первого и второго курса нашей академии.(Как гласил Петровский указ: лекаря, писаря и прочая сволочь в конце обоза). Каждый курсант был вооружен винтовкой 90-х годов прошлого века, но ни разу из нее не выстрелил. Зато по команде: «основным колю» выставлял штык и делал выпад на правую ногу (отдавалась дань генералиссимусу Суворову). Каждому батальону был выделен участок фронта, где необходимо было окопаться. Бои развертывались по единому сценарию: немцы занимали деревню, и ближайший батальон получал приказ «выбить»! Расстегнув гимнастерку так, чтобы видна была полосатая тельняшка, батальон дружно поднимался со штыками на перевес и завоевывал деревню. Немцы бой не принимали и отходили. На следующий день появлялись танки и самолеты, и победители дружно уходили в лучший мир. Через какое то время нас ночью посадили на машины и повезли. Когда стало светать, мы узнали стены родные стены

академии. Как выяснилось позже, о боевых действиях курсантов доложили наркому ВМФ Кузнецову. Он написал Сталину, который наложил резолюцию: разобраться, курсантов вернуть на доучивание, виновных наказать! Командовавший бригадой начальник военно-морских училищ адмирал Самойлов был расстрелян, хотя он выполнял отданный ему приказ. Каждый день прохождения бумаг был оплачен многими сотнями курсантскими жизней. Нам же повезло: выиграла свою 50% долю в противостоянии жизнь:смерть. Не долго продолжалась наша спокойная жизнь Ленинграде. 8-го августа город был блокирован (с крыши дома удалось наблюдать, как бомбили загоревшиеся Бадаевские продовольственные склады). «Лишние рты» отправлялись в тыл через Ладогу. 17-го сентября настала наша очередь доехать до станции Борисова Грива, где на Ладоге нас ожидала баржа. Ехать надо было с Финляндского вокзала 4-х часовым поездом. Утром нас строем повели на вокзал. Когда курс выходил на Загородный проспект, раздались 4 выстрела, попавшие в здание, из которого мы выходил. Группа курсантов, оставленная, чтобы грузить вещевые мешки, успела спрятаться под машинами, а сами мешки раскидало вокруг. Без мешков нельзя было уезжать, так в них хранилось обмундирование, постельные принадлежности, учебники. Пришлось ехать белее поздним поездом. Вместо нас в баржу погрузили 2 старших курса. Когда мы прибыли на Ладогу, баржа еще была в поле видимости. Внезапно налетели Мессершмиты, и стали, пролетая над баржой, расстреливать ее из пулеметов. Буксир обрубил концы и ушел. Через некоторое время баржа затонула примерно в 15- километров от берега, Ладожская вода была холодной, и практически, никому не удалось спастись. Нас же, как это не парадоксально, немецкие артиллеристы спасли от немецких летчиков. Жизненный счет стал: 50+25 в нашу пользу. В тот же день, 17-го сентября нас вернули в город, который постоянно обстреливали, периодически бомбили, двор академии покрылся окопами, где мы пребывали во время воздушной тревоги. Самолеты, с немецкой точностью, прилетали бомбить ровно в 7 вечера. По

установленному распорядку выдавали похлебку без четверти 7. За четверть часа успевали только заполнить 40 бочков и на столах каждый бочек разложить на 8 мисок. Раздавался сигнал тревоги и надо было бежать в окопы. Но голодный курсант никуда не тронется при любой бомбежке, не сделав последний глоток. Единственное, чему мы научились,- есть со скоростью звука. У некоторых курсантов эта привычка сохранилась на всю жизнь. Резко ухудшилось питание. К концу ноября мы получали по 250 грамм хлеба с добавленными опилками, от которых кровоточило верхнее небо. Походка становилась более легкой по мере уменьшения веса тела. Все разговоры заканчивались воспоминаниями о еде. Академик Быков, читал лекции по физиологии и надолго останавливался на пищеварении, образно объясняя, как шипит поджариваемая котлетка. В ответ курсанты стали курить выдаваемую махорку. Курьезный случай произошел на занятиях по военно-морской артиллерии. Его вел капитан 1-го ранга Сухов. Во дворе недалеко от нас разорвался снаряд. Сухов объяснил, что стреляли с платформы снарядом такого- то калибра и был недолет. Через пару минут за Фантанкой разорвался снаряд, и это был перелет. Теперь, объявил он, попадут в нас. Никто не испугался, потому что все дни ожидал падения снарядов и жил в постоянном напряжении. Снаряд попал в наше здание примерно в ста метрах от места занятия. Четвертого декабря академию вывезли на Ладогу. Дальше надо было пройти расстояние в 36 километров до деревни Кабона по первому льду, покрытому водой и еще встречались проруби. На себе надо было нести полный вещевого мешок, который нельзя было снять, поставить на лед, что бы отдохнуть. Ночь выдалась темная и нас постоянно сносило ветром. Дорога была обозначена вмерзшими в лед ветками через каждый километр. Очередная ветка скрывалась из вида метров через 200 и дальше шли вслепую. Справа были немцы, слева финны. И тем не менее, все дошли до Кабон. Трудно понять, откуда в постоянно голодном, худом, ослабевшем организме взялись силы для 36-ти километрового безостановочного похода под не малой нагрузкой и невозможностью,

двигаясь по мокрому льду? Далее наш путь пролегал по берегу Ладоги до поселка Сясьстрой, а оттуда на железнодорожную станцию Ефимовская, в обход занятого немцами Тихвина. Конечная остановка город Киров (Вятка). По прибытию, курс разместили в большой пустующей аудитории местного техникума, и выдали по 800 граммов черного хлеба, который лежал на шинелях, с радостью поглощался. Вошел комиссар курса майор Баркан и поинтересовался, довольны ли мы, в ответ услышал: нам зрелищ нужно! Ждать зрелищ пришлось недолго, начиналась Сталинградская эпопея, и, в очередной раз, потребовались курсантские жизни, чтобы закрыть брешь в обороне. Не обошли и академию, был прислан знакомый приказ: сформировать курсантский батальон и направить его в распоряжение Сталинградского фронта. Батальон шел ночью к назначенному месту и напоролся на танки. Полегли, на запорошенной мерзлой земле выделялись черные флотские шинели. Немцы устроили перекур, они вышли из танков и были слышны голоса. Курсант Гончаров выстрелил из единственного противотанкового ружья. Немцы попрятались в танки и стали буквально поливать из пулеметов по лежащим на земле в черных шинелях курсантам. Промачи были редкими. Оставшихся вернули в академию, образов неполный Сталинградский взвод. Погибшим установили мемориал во дворе академии. Батальон отличался от Ленинградского тем, что был сформирован только первокурсниками. Наш курс решению верховного командования остался жив. Общий счет в игре жизнь:смерть 50+25+12,5 в нашу пользу.

Военно-морские врачи 1945 года выпуска (уцелевший курс)

Первый набор Военно-морской медицинской академии Первого сентября 1939 года был опубликован закон о воинской обязанности, согласно которому лица, достигшие 18 лет, лишались права поступления в высшие учебные заведения и призывались в армию на 2 года и на флот на 3 года. Путь к высшему образованию десятиклассникам 1940 года выпуска был

перекрыт. Но оставалось еще несколько высших военных учебных заведений, открытых для десятиклассников (Высшее военно-морское инженерное и инженерно-строительное училище, Военно-морской факультет при первом Ленинградском Медицинском институте и филиал Военно-медицинской академии в г. Куйбышеве). И не удивительно, что на морфак, поместивший объявление о наборе, было подано 40 тысяч заявлений со всех концов страны. В ответ рассылались вызовы, дающие право бесплатного проезда к месту учебы. В мае «поработала» мандатная и медицинская комиссии и к экзаменам были допущены 8 тысяч человек, ориентировочно, на 400 мест.

С первого по 28 июня шли экзамены по 13 предметам (письменные: диктант, сочинение, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия; устные: математика, русский язык, литература, краткий курс истории ВКП(б), конституция, физика, химия - органическая и неорганическая). Золотые аттестаты не принимались, проходной балл – свыше 4,5. Экзамены шли каждый день и принимали их приглашенные школьные преподаватели. Сдававших выручали, ленинградские «спешившие» зори и широкие окна в гренадерской казарме, куда разместили иногородних. Группы редели на глазах: получившие тройки и две четверки подряд - забирали документы. Было отобрано 355 абитуриентов, ставших курсантами первого курса. В их числе порядка 70 ленинградцев, 30 москвичей и остальные, приехавшие со всех концов великой страны. 10.06.1941 специальным постановлением СНК была образована Военно-морская медицинская академия на базе 3-го ленинградского медицинского института (Обуховская больница) и военно-морского факультета, отделенного от 1-го ЛМИ. Срок обучения 5,5 лет. В результате, вместо кителя слушателя нам вручили матросскую робу и произвели в кандидаты в курсанты, отправив на лагсборы в Лисий нос. И только по прошествии двух месяцев строевой подготовки - 1-го сентября мы были приведены к присяге и стали курсантами I го курса Военно-морской медицинской академии.

Война

В июне 1941 г. были успешно сданы экзамены за первый курс, и в воскресенье 22-го - состоялось очередное увольнение в город. Однако днем, услышав речь Молотова, курсанты стали возвращаться в казарму, и посыпались заявления, отправить добровольцами в действующую армию. Пошли сводки одна другой страшнее. А через полмесяца немцы, стояли у Лужского рубежа. 5 июля из двух младших курсов академии был сформирован батальон в составе отдельной бригады морской пехоты ВМУЗ-ов города Ленинграда. Курсанты имели на вооружении 3-х линейные винтовки Мусина образца 1891/30 года и ни разу из них не стреляли, зато лихо выполняли команду «Основным коли». Надо было «выбросить» штык с выпадом на правую ногу.

Бригада заняла Ораниенбаумский оборонительный рубеж и до конца августа не вступала в прямое соприкосновение с немецкими частями. Затем начались сражения по повторяющейся схеме: очередному батальону приказывалось выбить немцев из пункта «N». Патриотизм, молодость: «Ура» немцев выбивали. На следующий день немцы подтягивали артиллерию, танки и жизнь победителей обрывалась. Так полегли батальоны курсантов училища Фрунзе, Дзержинского, Кронштадтского морского училища. А в начале сентября на машины ночью погрузили наш батальон, но когда рассвело, машины въехали на территорию ВММА. Как оказалось, наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову доложили о гибели курсантов, и он доложил лично Сталину. Ответ: разобраться, курсантов вернуть на доучивание, виновных наказать. Командир бригады начальник ВМУЗ-ов контр-адмирал Самойлов, сформировавший бригаду по указанию Жданова, был расстрелян. Через несколько дней после возвращения - 8-го сентября - немцы замкнули кольцо окружения Ленинграда. В тот же вечер, как на параде появились эскадрильи немецких бомбардировщиков, и с крыши можно было видеть, как методично и целенаправленно бомбят Бадаевские склады. Нормальных условий для

доучивания курсантов в блокадном городе естественно не было, и поэтому на 17 сентября была назначена эвакуация через Ладогу. Курс выстроили в городке ВММА И направили к Финляндскому вокзалу для посадки на поезд до Ладоги. Оставили десять человек, чтобы уложить на машины наши вещевые мешки с учебниками и обмундированием. Через несколько минут, после ухода курса разорвалось три снаряда на месте бывшего построения, сделав пробоины в здании. Оставленные курсанты успели попрятаться под машиной (лишь один получил легкое ранение), но вещевые мешки разбросало вокруг и потребовалось более часа, чтобы собрать их, направить на вокзал, где их дожидался курс и который в результате опоздал не только на поезд, но и на отбывшую баржу. На ней, разместили 1-ый эшелон - 134 слушателя старшего курса. (Врачи и зауряд-врачи были вывезены ранее.) Через 10 миль пути налетели юнкерсы. Буксир отдал концы и ушел, а плавающую баржу в упор расстреливали мессершмиты, и она перевернулась. Спаслись немногие. По иронии судьбы стрелявшие в нас немецкие артиллеристы полностью спасли наш курс от расстрела немецкими летчиками. Нас в очередной раз вернули в Ленинград. Заиграли красоты Зимнего, Адмиралтейства, Исаакия. Было известно, что здания заминированы. Но не могло быть второго Крещатика! Нельзя было представить такое.

Жизнь в блокадном Ленинграде отметилась тремя военными эпизодами. Каждый вечер ровно в 19.00 появлялись немецкие самолеты. И выработали они такую тактику. Сначала кучно сбрасывали множество зажигалок, а через некоторое время место наибольшего пожара (на тушение которого собиралось множество жителей) подвергали бомбовому удару. В середине октября на академический городок (Фонтанка – Введенский канал - Загородный - Техноложка) было сброшено такое количество зажигалок, что загорелись и сгорели все деревянные постройки. Курсанты активно тушили пожары, но бомбы были сброшены не на нас. Был второй очаг пожара, где-то в районе Казанского собора у них были жертвы. У нас при тушении пожара

погиб один курсант. Второй эпизод. Групповые занятия по военно-морскому делу вел артиллерист - капитан 1-го ранга Сухов. Занятия велись в главном корпусе (расположенном вдоль Фонтанки). Систематически обстреливалась половина академического двора, в том числе и место занятия. Во дворе разорвался снаряд. Преподаватель определил калибр и сказал, что стрельба ведется с железнодорожной платформы и угол обстрела ограничен. Грянул второй выстрел. Снаряд разорвался на другой стороне Фонтанки (там виднелись трубы промышленного предприятия). Преподаватель объявил, что были недолет и перелет и теперь следует ожидать попадания в нас. И действительно через пару минут раздался грохот. Снаряд попал в наше здание, метрах в 100 от нас. К счастью там размещалась администрация и здание было пустым. Упал со второго этажа и стал калеккой дежуривший курсант. Третий эпизод. Учеба в блокадном городе была малопродуктивной. От 250 граммов хлеба с опилками кровоточили десны, а на уме была только еда. С чего бы ни начинался разговор, он неизменно возвращался к воспоминаниям о еде: «А, помнишь как... ?» Естественно, так долго продолжаться не могло. 28 ноября курс был выстроен перед зданием принцевского корпуса, где он проживал, и по команде отправился на Финляндский вокзал, чтобы доехать до берега Ладоги. Оставили 10 курсантов – грузить матрасы на машины. В конце их работы разорвалось три снаряда. Один перед входом в принцевский корпус, где строился курс, второй внутри, где ранее жили курсанты и третий на углу. «Грузчики» легли под нагруженные машины и остались целы. Далее. По первому льду Ладоги курс пошел на большую землю. 36 километров до деревни Кобона. Справа немцы, слева финны, безлунная ночь, лед, покрытый слоем воды (не присесть). Путь обозначали вмерзшие в лед прутья через каждый километр. Курсанты-доходяги еле несли себя и вещевые мешки, куда были вложены учебники, обмундирование и постельное белье. Шли группами. Наша группа проявила смекалку: у небольшого квадратного стола подпилили ножки и набили лыжи. На импровизированные сани навалили мешки и везли по

очереди, а на привале по очереди ложились отдыхать на мешки. Не забыть лица, проходивших рядом преподавателей просивших разрешить им отдохнуть на наших мешках. В Кобонах задержались недолго - ушли в Новую Ладугу, где была военная флотилия. Приключился эпизод характерный для голодных блокадников. Наша группа напросилась на ночевку в пустующую комнату Ладужской флотилии. Собрали выданные пшеничные концентраты и делегировали представителя, чтобы сварить их, на матросскую кухню. И здесь была проявлена курсантская смекалка: местного кока ознакомили с картинками анатомического атласа Шпальтегольца. Вариво в кастрюле было сразу досыпано до верха пшенной крупой и заправлено жиром. Но когда содержимое разложили на 8 алюминиевых мисок, заполнив их доверху, голодным взглядам показалось мало. Пришлось довольствоваться этим «малым», но потом, ночью лежа на полу на собственных шинелях, все катались в коликах. Далее предстоял многодневный путь вокруг занятого немцами Тихвина по берегу Ладоги до Свирьстроя через Шугозеро к станции Ефимовская. Стояла очень холодная зима, но на ходу даже во флотских ботинках не замерзали. На ночь группой просились в избы и по очереди «проедали» собственное барахло. И вот конец пути, – теплушки и город Киров. Относительно быстро обустроились и начали полноценные занятия. Однако изолироваться от общих дел не удавалось: война напоминала о себе. Осенью 1942 г. командование в очередной раз понадобилось заткнуть курсантскими жизнями брешь в обороне Сталинграда. В академию пришла разнарядка отправить на фронт, на сей раз один курс. В наличии были мы - перешедшие на третий курс и младший 2-ой курс. Выбор пал на него. 205 курсантов вышли в Сталинградской степи на немецкие танки. 94 из них погибли. Нас приказано было доучить на 3-ем курсе и фельдшерами отправить на фронт. Однако после победы под Сталинградом, обстановка изменилась, и к февралю 1943 года ВММА добилась указания – доучивать наш 3 курс до врачей. А разворачивались эти события следующим образом. По сведениям из

источников заслуживающих доверия заведующий кафедрой хирургии, главный хирург ВМФ, генерал-лейтенант мед. службы академик И.Ю. Джаналидзе добился личного приема маршала Л.П. Берия, который и принял положительное решение. Отметим, что через 13 лет снова стал вопрос о судьбе академии. На этот раз заведующий кафедрой физиологии генерал-лейтенант мед. службы К.М. Быков поехал на прием к маршалу Г.К. Жукову, но тот принял отрицательное решение и военно-морская медицинская академия перестала существовать, влившись в военно-медицинскую. Осталась лишь песня:

*Двумя каналами омытая,
Людьми и Богом позабытая
Моя родная академия*

Учителя

Курс пятилетнего медицинского обучения может быть подразделен на три периода: первые два года изучается устройство нормального организма в широком научном аспекте, третий год закладывается понимание основ патологии, старшие курсы - клиника. Можно констатировать, что с учителями нам повезло: на кафедры ВММА были приглашены лучшие силы морфака, третьего ЛМИ и был объявлен конкурс на свободные кафедры. Можно было выбирать из множества предложений, поскольку заведовать кафедрой ВММА считалось престижным. Кафедры занимали академики: Джанелидзе, Лепорский, Мясников, Красногорский, Черниговский, Быков, Заварзин, и общепризнанные выдающиеся врачи: Буш, Нечаев, Мельников, Волынский и многие другие. Новорожденное дитя - Военно-морская медицинская академия - не уступала по уровню профессуры полутора столетней Военно-медицинской академии.

Итак, первый год вхождения в медицину. Набор основных научных дисциплин: физика, 5 химий, биология, но доминанта одна - анатомия. Сдал её, будешь врачом, т.к. что может сравниться с ней по нагрузке на память?

Одна височная косточка черепа - 43 латинских названий. Анатомия была представлена профессором Борисом Алексеевичем Долго-Собуровым - учеником (и зятем) великого Тонкова - автора легендарного учебника. Учебник определял не только познания, но и такие важные стороны жизни как знакомство с барышнями

Знакомство моряка

*Моряк растерян был в начале
Среди трамвайной суеты.
Ему товарищи шептали,
Что дамы - хрупкие цветы,
Что без достаточной сноровки
Расратишь зря молодые дни,
Как трехлинейные винтовки
Ухода требуют они...
И вот спасительное слово
Уже возникло в моряке:
Он видит толстый том Тонкова
В её придавленной руке.
«Страдаем?» - молвил
Да страдаем ...» «Вы, не горюйте,
Все пустяк
Вот я хоть выпил перед маем,
Но сдал, однако, на трояк!»
Тонков! Тонков! Достойны оды
Твои великие дела
Мы даже в старческие годы
Тебя не сбросим со стола*

Помимо лекции Долгособуров постоянно посещал практические занятия, держа в руках свой кондуит, где поименно значились все курсанты. Звучал слегка заикающийся голос «Ааа скажите, товарищ курсант, ...» и далее следовал вопрос. Неудовлетворительный ответ фиксировался в кондуите и припоминался на зачетах и экзаменах. Вторым профессором кафедры был замечательный человек, признанный ученый-морфолог (избранный членом-корреспондентом АН СССР) - Алексей Петрович Быстров. Все рисунки в учебнике Тонкова были сделаны его рукой. На занятиях, он парой штрихов изображал разные выражения на лице, и надо было ответить - какие мышцы напряжены. При изучении гортани он изображал, как она выглядит у южно-американских обезьян, крики которых слышны на 10-ти километровом расстоянии. Он объяснял и показывал, чем и почему, позвонок селедки отличается от человеческого. Успевающим курсантам он из-под стола доставал и

подбрасывал вверх косточку, а потом ловил её и спрашивал её название. Малые кости пясти, запястья, плюсны и предплюсны он помещал в мешочек и надо было определить их на ощупь.

Он мог показать направление пули, которая прошла сквозь организм, и надо было последовательно перечислить проходимые ею органы и ткани, рассказывая их гистологию. Таких божьей милостью учителей помнят всю жизнь.

Третий курс - введение в патологию. Нас вводили замечательные ученые и профессора. Кафедрой патологической физиологии заведовал Всеволод Семенович Галкин. На первой лекции демонстрировалась собака с наложенными на череп электродами, они кратковременно включались в сеть. Минуту другую животное спокойно, потом опистотонус и потом приступы генерализованных клонических судорог. И сразу становились ясными философские понятия медицины: патогенный раздражитель, - этиология, - точка приложения, - патогенная реакция, - реституция. Профессор настолько заинтересовывал слушателей, что они буквально ломались на кафедру, чтобы заняться научной работой, нередко с самыми грандиозными предложениями, как перестроить устаревшую медицину. Всеволод Семенович внимательно выслушивал, не спорил, не возражал, А просил приходить на кафедру и доказать идеи в эксперименте. Сам он никогда не подсказывал, как ставить эксперимент. Он бросал неумеющего плавать в открытое море. И только, когда ученик выплывал и мог положить на стол четкие результаты эксперимента, он удостоивался внимания шефа. Индивидуально на своем материале ученик осваивал правила научной индукции, необходимые для грамотной постановки эксперимента. Ученику твердили: опыт от контроля должен отличаться на одно условие, на два у плохого экспериментатора, на три у сумасшедшего. Более 40 портретов, подготовленных кандидатов наук,

висело в кабинете заведующего кафедрой, а их труды, объединяемые общей идеей, издавались в кафедральном сборнике «механизмы патологических реакций», Добрая половина учеников стала докторами - профессорами. Всеволод Семенович никогда не правил стиль авторов, но был строг к существу. Вот преподанный им пример. Из 30-ти страничной статьи он с помощью ножниц и клея оставил 18, остальные вырезки аккуратно вложил в конверт и многозначительно вручил автору. Наряду с кафедрой патофизиологии Всеволод Семенович заведовал кафедрой нейрохирургии ВММА. По первой медицинской специальности он был хирург и Иван Петрович Павлов приглашал его оперировать подопытных животных. Во время войны он оперировал в главном военно-морском госпитале, расположенном в г. Кирове, раненых с черепно-мозговой травмой, присылаемых со всех флотов.

Кафедрой патологической анатомии заведовал профессор Соломон Самуилович Вайль. При его благообразной внешности пожилого человека звучал высокий и почти детский голос, которому курсанты успешно подражали. Он любил смысловые парадоксы: болезнь называется острая желтая атрофия печени. Но, во-первых, это не острая, а хроническая, во-вторых, не желтая, а (называл цвет) и, в-третьих, не атрофия, а дистрофия. Он учил скрупулезной точности определений и глубокому пониманию существа патологии. Он мог разрешить пользоваться учебником при подготовке ответа на билет, ибо всегда мог отличить понимание от формального знания. Он ставил отличную оценку, если отвечающий в одной фразе мог точно сформулировать существо сложной болезни. Остроумного словца профессора Вайля побаивались сослуживцы и начальство. На вопрос начальства, почему он нарушает форму и ходит зимой без шинели, отвечал: «А летом, я вообще хожу в одной фуражке». На одном из курсов учился его сын Юрий (будущий заведующий кафедрой физики ВМА). После окончания его лекции, отцу показали спящего сына. Ответ: «Правильно делает, я сам гашу свет, показывая слайды».

Кафедрой фармакологии заведовал Николай Васильевич Лазарев. Это был ученый-теоретик, создавший свою научную школу. Но, что для нас важнее, он был блестящим лектором, снискавшим славу одного из лучших профессоров академии. Он учил не только предмету, но и широко образовывал слушателей, вовлекая во все пограничные науки. И это отражало его научное существо химика-биолога. Он расширил фармакологию внедрением в неё биолого-физико-химической системы электролитов. Одним из следствий была идея о том, что и инертные газы при достаточной концентрации должны «лишаться инертности». Отсюда и первое открытие биологического действия газов под повышенным давлением и в частности «гелиевого наркоза». Широта его интересов нашла отражение в двух десятках монографий. Николай Васильевич основал фармакологическую школу, воспитавшую многочисленную плеяду крупных специалистов, ученых и преподавателей. Среди них были широко представлены и бывшие наши курсанты.

Особо следует отметить, что с 3-го курса мы находились во время эвакуации в г. Кирове в страшный 1943 год, когда курсанты доучивались, а профессора и преподаватели жили в страхе за свою судьбу и судьбу близких. Общее тревожное время сближало всех. Профессора приходили к нам на курс и делились всем, что считали важным. То были, что называется, праздники души. И, если по рождению не многие из нас воспитывались в профессорских семьях, то на 3-ем курсе в Кирове это возместилось и, как живое свидетельство тех лет - печатные научные труды курсантов на научной конференции ВММА в 1943 г. Это был праздник академической профессуры. И первый шаг, первые научные печатные работы тех первых двух десятков из нас, кто принял эстафету и стал профессором.

Старшие курсы - клиника. Признанным кумиром академии был заведующий кафедрой госпитальной хирургии Юстин Юлианович Джанелидзе (известный ленинградцам как основатель института скорой помощи). Он создал свой особый, чрезвычайно эффективный и

незабываемый метод преподавания. Главные шаги, которые должны были постичь будущие врачи, должны были быть заучены и всегда безоговорочно выполняться. «Что нужно, чтобы осмотреть больного? Достаточное освещение, достаточное обнажение, доступный подход» Каждый курсант, осматривая на кафедре больного, приговаривал эту присказку. Как никто другой он требовал не только глубокого, но и широкого общекультурного осмысления важных элементов хирургии. «Какой наркоз должен в данном случае применяться? Эфирный. Кто первый его применил? Джексон и Мортон. Когда? В середине прошлого века. Где? В Бостоне. Где находится Бостон? На восточном побережье Соединенных Штатов» Для ответа на каждый вопрос поднимался очередной курсант. При правильном ответе, он садился. При ошибочном, - продолжал стоять, слушая ответы других. Были и такие курьезы: вся группа курсантов не могла ответить на вопрос и стояла, затем поднимались ординаторы, затем преподаватели и даже мог стоять замечательный мастер хирургии - профессор Смирнов. В таких случаях, в назидание приводилась грузинская поговорка: «Если арба не везет дрова, то превратиться арба в дрова» и Юстин Юлианович сам отвечал на поставленный вопрос.

И, тем не менее, академическое преподавание было только частью проблемы подготовки врача. Профессор С.С. Вайль «бросил» академический афоризм: «Если надо будет сына учить, я отдам его Мясникову (госпитальная терапия) и Джанелидзе, но, если понадобится сына лечить, я его отдам Нечаеву (известный терапевт) и Теплицу (известный хирург)». Вспоминая, что в середине прошлого века еще не знали ЭКГ, и были только примитивные анализы, врач должен был владеть искусством органолептической диагностики и уметь интуитивно дополнять недостающие для рационального диагноза данные. Пример: в инфекционный барак г. Кирова помещен лихорадящий больной и врачи не могут поставить диагноз. На помощь вызывается доктор Боневоленский с кафедры академии. Человек несуразного вида в очках, галошах с большим мятым портфелем был

вынужден прошагать по дощатым покрытиям на край города. Он, в накинутом халате, сел рядом с больным: «Ну, что устал? Я вот тоже устал - столько шел. А у тебя, батенька, тиф... брюшной, запишите » - сказал сестре. На больного он даже внимательно не поглядел. Диагноз подтвердился. Таких врачей называют «божьей милостью врач». Они были хорошо представлены среди наших учителей. И есть полная уверенность, что они хорошо были представлены и среди учеников.

Отцы-командиры

Если абитуриент поступал на морфак, чтобы стать слушателем и жить дома, а оказался курсантом, помещенным в казарму, то отношение к отцам-командирам, «вбивающим» казарменные порядки, могло быть только отрицательным. Лишь на старших курсах начинаешь понимать, что командиры несут службу, какая ждет и нас. Первым командиром, принимавшим курс, был капитан 3-го ранга Векшин. Он был выпускником дореволюционного морского корпуса и, по-видимому, был самым культурным из всех наших командиров. Он допускал и ценил юмор, что несовместимо с должностью строевого командира. Однажды вечером «дядя» Витя уезжал из академии. На проходной ворота открыл дежурный по КПП - курсант, одетый в бушлат (дело было летом). «Почему нарушаете форму одежды? Согласно корабельному уставу караульная служба имеет право надевать бушлат после захода солнца. Но солнце еще не зашло! Никак нет, Вы убываете, значит солнце заходит» Векшин засмеялся, махнул рукой и уехал. Кстати ответ был с намеком. На белом накрахмаленном кителе блестели золотые погоны, золоченые пуговицы, а над кителем сиял краб и красно-золотое пенсне на рыжей голове и веснушчатом лице. На нашем курсе Векшин не задержался и пошел на повышение, став заместителем начальника академии по строевой части. Его кабинет располагался на первом этаже главного здания с окном во двор академии. И он сидел спиной к низко расположенному открытому окну, обозревая двор через большое зеркало в

глубине. И расстались бы мы с ним по-доброму, если бы он не стал усердствовать, как строевик. Когда по двору передвигались подразделения курсантов с отступлением от строевого устава, посылались рассыльный и младший командир получал втык. Курсантам это не нравилось, и дяде Вите «намекнули». Заступивший вечером, начальником караула наш курсант, приказал арестованных в галюн не выводить, а вечером привел их под окно дяди Вити и скомандовал - «оправляться».

Первый курс принял капитан-лейтенант Бондарь. Он был - настоящий морской командир корабля, непосредственно не командовал, а перепоручал это нижестоящим командирам. В традиционных высших военно-морских училищах курсантами младших курсов командовали курсанты старших курсов, и все развивалось естественным путем. В ВММА слушатели старших курсов, жившие дома, не могли быть нашими командирами. Пришлось выбирать воспитателей из действующих пехотных командиров. И отделы кадров справились, как всегда, в советское время, с этой задачей блистательно. На первую роту был определен воентехник Головченко. Он получал удовольствие от командования: «Перрррвая! Смиррррна! И не ходи! И не шевелись! Кси (т. е. коси) на-право! Перрррвая, еще не все потеряно! Еще не все посажены». На вторую роту был определен небольшого роста тихий, деревенский парень младший лейтенант «Мича» Гурулев. Командовать он не любил и сводил все к минимуму. По-видимому, он был призван из далекой глубинки, т.к. не удосужился узнать о том, что земля круглая, и был искренне удивлен - «неужоли?» Командиром третьей роты был определен изрядно заборзевший пехотный капитан (тупитан) Губин. Он любил держать воспитательную речь перед выстроенной ротой: «Опять рундаки не в порядке! Долго еще мене за вас начальство будет мордой об стол тыкать?»

Начальником второго курса был назначен капитан Калюжный (между произношением букв «л» и «ю» делалась небольшая пауза). Это был нерешительный человек. Он имел привычку смотреть на часы и ручной

компас прежде, чем начинал говорить. А сотни курсантских глоток уже кричали «ясно». По психологии он был службист и не останавливался перед тем, чтобы курсантов отдать под трибунал, если тому был малейший формальный повод.

После третьего курса командовать ротами назначались сами курсанты, а начальником курса был назначен подполковник Баженов. Высокий худощавый человек (с язвой желудка), говорил медленно, спокойно, рассудительно. Перед курсом появлялся редко и не портил нам жизнь. Его любили.

На 5 курсе, по возвращении в Ленинград последним начальником курса был назначен подполковник медицинской службы Калинин («Батя-Калинкин» - плантатор). Полгода не было занятий, руками курсантов восстанавливались дома в академическом городке (и квартиры начальников в городе). Работали с утра до вечера, распределенные по бригадам штукатуров, маляров, водопроводчиков, кровельщиков, чернорабочих. И даже была зондеркоманда, которая по ночам воровала бревна. Надзиратель работ - Калинин был в большой чести у начальства и на наших мозолях он заработал звание полковника медицинской службы. Хотя за все время ни одного медицинского термина не сорвалось с его уст. Зато потоками лился мат вперемешку с командами. А когда ему случалось побывать на зачетах и экзаменах, он спрашивал: Сколько сдало? Выходи строиться на работу»Однажды курсанты попытались выразить свою «любовь» к Бате. Дело было во дворе академии, где курсанты выполняли очередную работу. Она почему-то заинтересовала Батю и он каждые 5 минут прибегал смотреть, как она выполнялась. Курсанты решили этим воспользоваться и на его пути быстро выкопали яму, закрыли сверху фанерой, положили дерн и стали с интересом ждать прихода начальства. И, как назло, он много раз проходил, но все мимо. Но то, что не удалось нам, удалось младшему курсу - Сталинградцам. Дело было в освобожденной заброшенной деревне под Ленинградом, отданной ВММА под подсобное хозяйство. Каждое лето

плантатор возил на работы очередной курс, начиная с нашего. Надо было вскапывать каменистые бросовые целинные земли примерно по три сотки на нос. Естественно ножки углового землемера Бате немного подпилили. Но лучший выход был - впрягаться в плуг и пахать на себе. В тот год Батя поселился в одноэтажном доме. Ночью под открытое окно снаружи была положена ручная граната (вокруг деревни валялись даже брошенные пулеметы), за кольцо прикрепили проволоку и протянули за забор. Оттуда среди ночи подорвали гранату. Батя, выскочил в одних кальсонах, и побежал в поле. Через полчаса он вернулся и пробил боевую тревогу. Кроме призывов к бдительности и потоков изящной словесности никто ничего не услышал. Нашу невысказанную «любовь» к плантатору выразил Сталинградский курс!

Курсанты

Три с половиной сотни отобранных по способностям юношей в одночасье были лишены индивидуальности, оказавшись в казарме, в одинаковой одежде и живя по единому распорядку дня. Подавление личности сплотило случайное множество людей в дружный коллектив. И более всего сплочению способствовало наличие внешнего врага - начальства. Как правило, нелегко давалось отрешение от старых жизненных привычек и привыкание к новому. Тех, кто трудно привыкал, что выражалось в количестве взысканий, при каждом удобном случае отчисляли. К выпуску курс сократился до 295 человек, причем неуспевающих были единицы. Даже, когда на госэкзаменах, отвечающий не мог различить правый и левый желудочек сердца - его «вытаскивали». Начальство, как всегда, действовало по шаблону, и не задумывалось над вопросом, зачем курсанту, изучающему медицину надо пребывать в казарме, раз он не станет строевым командиром? Не раз академическая профессура обращалась с этим вопросом, но безуспешно. Единственное, что можно сказать по этому поводу. Пребывая в казарме - тупеешь, но это способствует зубрежке латинских названий по анатомии, и больше, пожалуй, ничему. В самоорганизуемом курсантском

обществе произошло, как это обычно бывает, - выделение лидера. Таким общекурсовым лидером, превосходящим нас по художественному мышлению, стал будущий широко известный поэт Семен Ботвинник. Учась в академии, он написал две сатирические поэмы: «Сифилиада» и «Параша», которые передавались в списках десяткам последующих курсов. Но для нас важнее было то, что он откликался буквально на каждый значимый эпизод курсантской жизни, и мы смотрели на это его глазами. Вот примеры, дополняющие вышеприведенные:

Лагсбор		Прозвища
<i>Врачом ты можешь и не быть, Но командиром быть обязан</i>	Возвращение в Ленинград	<i>Украшенье первой роты Гордость флота и пехоты Чудо каменного века Молодой курсант Лалека Днепропетровск как иностранца, Встречал засранца - Борю Гланца</i>
Эвакуация в г. Киров	<i>Курсанты как мазурики В говне, известке, сурике, Обосранный, обоссанный И на работу посланный И с ним его родители Калинкин в сраном кителе Будревич - хрен всклокоченный И Векишин позолоченный</i>	На лекции
<i>Темными сырыми вечерами, Каждый миг, рискуя головой, Не имея почвы под ногами, Я брожу по Вятской мостовой Ты моя судьба, как мостовая На камнях асфальте ли торце Всюду ты неровная, кривая С неизбежной ямой на конце</i>		<i>Шестов читал до полшестого, Но мы не слушали Шестова Нам говорят обед готов, Так на хрен сдался нам Шестов</i>

При всех трудностях бытия и морального угнетения молодость была ключом и показатели тому - невинные розыгрыши: положить под простынь открытую грелку с водой, подсыпать химический карандаш в зубной порошок (благо зеркал в казарме не было вообще), держать снаружи дверь, не пуская сильно желающего в галльон после подъема. ... Подшучивали и над начальством, даже в самые трудные времена. По прибытию в Киров курс разместили в большой общей зале рабфака и выдали 800 граммов черного хлеба, который медленно и с удовольствием поедали, лежа на полу на шинелях. Вошел комиссар курса и заботливо поинтересовался настроением.

«Зрелищ нам надо» - был ответ. Шутка над преподавательницей на занятиях. У микроскопа крепко заснул курсант после увольнения накануне. Скажите: «Как выглядят гонококки?» Курсант состроил такую рожу, что все и преподаватель, в первую очередь, повалились со смеху. И при всем при том, пожалуй, главной чертой курсантского бытия была дружба и взаимовыручка. В Кирове после отбоя нагрянуло начальство с проверкой самоволок – искали пустые нары. Естественно, немало курсантов еще не вернулось в казарму из самоволки. Начальство сначала задержали, а потом водили по кубрикам - пустых нар не оказалось. А то, что вместо курсантов там спали шинели, начальство не заметило.

Минули годы и бывшие курсанты стали деятелями в военной, гражданской медицины, науки и искусства. Они добросовестно трудились за себя и за того парня, и заслужили признание общества и государства.

Вспоминал бывший курсант 1-го отделения 1-го взвода 3-ей роты, Г.Л. Зальцман.

Справка военно-медицинского музея

Курс обучения в ВММА в 1945 г. закончили 290 человек, из них 5 человек было оставлено в Академии для подготовки к научной и преподавательской работе, а 5 человек по состоянию здоровья уволено с военной службы в запас.

Почти половина выпускников начинали свою службу на кораблях и в частях Тихоокеанского флота, около трети - на Северном флоте и остальные на Балтийском и Черноморском флотах.

К 1963 г. около 80 человек и к 1970 г., примерно, половина выпускников ВММА 1945 г. закончили военную службу. В 1980 г. на военной службе находилось 12 человек, в 1985 - 1986 гг. – 7 человек.

63 человека защитили кандидатские диссертации, а 45 из них затем и докторские, 33 докторам наук присвоено звание - профессора. 16 человек удостоены почетного звания заслуженный врач республики /15 - РСФСР, 1 - УССР/ и 10 человек — звания лауреатов Государственной премии СССР в области науки и техники /один из них дважды — СССР и России/. Из числа профессоров 4 человека избраны членами-корреспондентами и действительными членами Академии медицинских наук СССР, двоим присвоено звание Заслуженный деятель науки РСФСР, один выпускник удостоен звания Героя Социалистического Труда СССР и один звания Героя Советского Союза.

I. Деятели военной медицины



К.М. Лисицин
генерал-лейтенант м/с,
главный хирург МО, член-
кор.АМН



М.В. Портной
генерал-майор м/с
главный хирург ВМФ



В.П. Козлов
полковник м/с
флагманский хирург
Северного Флота



А.А. Воробьев
генерал-майор м/с
зам. начальника НИИ МО
академик АМН



Г.И. Мацкевич
полковник м/с
главный акушер-
гинеколог МО



А.К. Агеев
полковник м/с
нач. кафедры патологи-ческой
анатомии ВМА



Н.Н. Алфимов
полковник м/с
нач. кафедры воен.-
морской и радиац.гигиены
ВМА



М.Г. Воробьев
полковник м/с
начальник кафедры
физиотерапии ВМА



Г.И. Дорофеев
генерал-майор м/с
начальник кафедры
госпитальной терапии ВМА



В.А. Петухов
полковник м/с
зам. начальника
факультета ВМА



И.А. Александров
полковник м/с
нач. лабор. 40-го НИИ МО,
лауреат гос.премии



Н.А. Бухарин
полковник м/с
нач. управления 1-го НИИ
МО, лауреат гос.премии



Н.Т. Коваль
полковник м/с
зам. нач.отд. 1-го НИИ
МО, лауреат гос.премии



Ф.А. Колесник
полковник м/с
нач. каф.терапии воен.мор.
фак. Горьковского мед.инст.



А.П. Фокин
полковник м/с
нач. отдела 40-го НИИ
МО, лауреат гос.премии

II.Деятели гражданской медицины



М.П. Гвоздев
директор НИИ скорой
помощи им. Дженелидзе



А.П. Голиков
зав. клин. неотл. терапии
НИИ им. Склифосовского
академик АМН, лауреат
гос.премии



Е.А. Жербин
директор НИИ
мед. радиологии, засл. деятель
науки, лауреат гос.премии



Е.В. Майстрах
ректор ГИДУВа
(медицинская академия
постдипломного обучения)



А.А. Шереметьев
директор филиала НИИ
биофизики (НИИ ГМТ)
лауреат гос.премии



А.М. Карякин
зав. кафедрой хирургии
мед.акад. им. Мечникова



Л.Ф. Линденбрaten
зав. каф. рентгенологии
моск.мед.акад. им. Сеченова



Г.Б. Смолянский
зав.каф.гиг. Петроза-водского
мед.инст.
заслуж.деят. науки



И.Б. Солдатов
зав.каф.Лор
болез.Самарского мед.
инст., академик АМН
герой соц. труда



М.А. Розин
зав. каф. фармакологии
Ленинградского
сельско-хозяйствен.
института



В.Г. Прокофьев
зав. Горздравотделом
Ленинграда



В.В. Стуков
зав. райздравотд.
Ленинграда, глав.врач
больн.им. Боткина



И.Н. Бухаловский
главный терапевт
ленгорздравотдела



А.П. Соболевский
директор медицинского
музея, Герой Советского
Союза



А.И. Шкуров
глав. врач наркологичес-
кого диспансера

III. Деятели науки



И.И. Брехман
зав.отдел.фармакологии
Дальневост.филиала АН
профессор



И.Д. Жильцов
зам. директора по науке
НИИ ГМТ мин. здрава
профессор



Г.Л. Зальцман
зав..лабор. гипербарической
физиолог. НИИ эвол. физиол.
АН и НИИ ГМТ мин.здрава
профессор



А.П. Зинченко
зав.отдел.нервных болезней
НИИ детских инфекций
мин.здрава
профессор



Л.Н. Комаревцев
зав..лабор.биохимии
НИИ ГМТ мин.здрава
профессор



С.А. Кейзер
зам. директора по клин.
части НИИ ГМТ мин.
здрава
профессор



А.Н. Коржавин
зав..лабор.обитаемости
НИИ
радиац. гигиен.
мин.здрава
профессор



Г.А. Михайлец
зав..лабор.фармакологии НИИ
антибиотиков мин.здрава
профессор



В.Н. Парибок
зав..лабор.радиационной
цитологии АН
профессор



В.П. Поляков
зав..лабор.
психофизиологии
труда НИИ ГМТ
мин.здрава
профессор

IV. Деятели культуры



А.П. Румянцев
зав. лабор. токсикологии
НИИ ГМТ мин.здрава
профессор



Л.Н. Хазенсон
зав. отдел. эпидем.НИИ
эпидемиологии
мин.здрава
профессор



С.В. Ботвинник
секрет. отдел. поэзии Союза
писателей СПб, популярный
поэт-профессионал



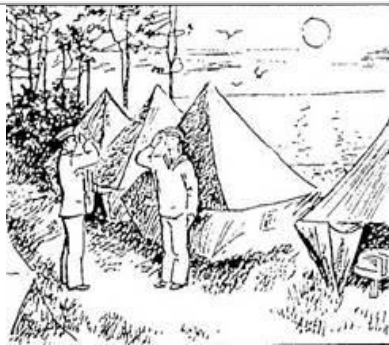
Е.Л. Баренбойм
писатель, автор книг:
«Клятва Гиппократа»,
«Доктора Флота»



М.А. Фрадкин
автор сценариев и
постановщик эстрадных
и цирковых программ

**Зарисовки из жизни Курса и после выпуска из Академии,
курсанта 1-го отделения 3-го взвода 1-й роты Ю.Г. Жарова.**

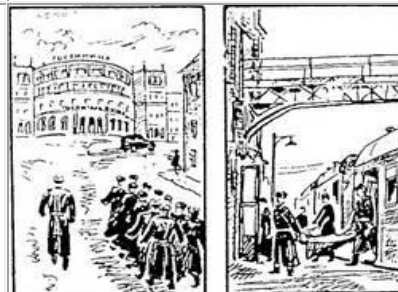
1940 г.



1941 г.



1942-1943 гг.



1942-1943 гг.

1944 г.

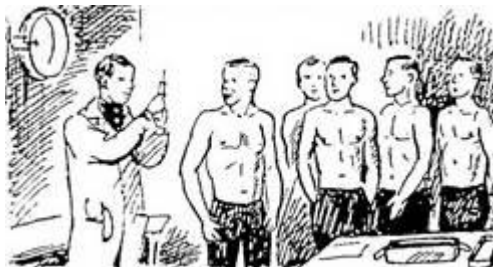


1944 г.

1945 г.



1946-1980 гг.





РАБОТАЕМ САМИ И УЧИМ СВОЮ СМЕНУ



У ЧАСОВ И ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ
ЕЩЕ ЕСТЬ СИЛЫ И ЖЕЛАНИИ
РАБОТАТЬ НА ВРАЧЕБНОМ И
НАУЧНОМ ПОПРЯЖЕ



НО ГЛАВНАЯ ЗАБОТА - РЫБАЛКА, ДАЧА, ВНУКИ!